

ГЛАВА III. Литературная деятельность Прудона до февральской революции. — «Что такое собственность?» — «Экономические противоречия, или Философия нищеты»

Мы описали жизнь Прудона в первый период его литературной деятельности, когда он еще не выступал социальным реформатором и стоял в стороне от политики; к этому периоду относятся его наиболее интересные в научном отношении произведения — «Мемуары о собственности» и «Экономические противоречия». Все основные воззрения этого парадоксального и не всегда последовательного писателя сложились окончательно ко времени февральской революции; но до 1848 года он ограничивался критикой современного экономического порядка и не пытался приступить к более трудному делу — к положительному решению социального вопроса.

Мы уже говорили несколько раз, что Прудон не получил правильного научного образования. Для неспециалиста он был довольно хорошо знаком с теологией и философией, но его экономическая эрудиция была не особенно обширна и ограничивалась почти исключительно сочинениями французских экономистов. Ему не хватало знакомства, хотя бы элементарного, с точными науками. Хотя он иногда и говорит в своих сочинениях о методе Кювье, о Лапласе и других естествоиспытателях, но по всему видно, что сведения о них дошли до него совершенно случайно.

Постоянная работа о насущном хлебе мешала ему пополнять хорошо сознаваемые им самим недостатки образования. Ему приходилось работать наскоро, знакомиться с литературой предмета по мере того, как он писал и издавал свои сочинения в не совсем обработанном виде. Ничего нет удивительного, что, работая при таких условиях, он часто противоречил сам себе и много раз изменял свои печатаю высказанные мнения. Так, например, в своей книге «О создании порядка в человеческом обществе» он доказывает, что металлические деньги есть необходимая основа всякого сложного хозяйственного строя, в котором существует разделение труда. Между тем впоследствии главной задачей проектированных им экономических реформ было уничтожение металлических денег как орудий товарного обращения. При изложении политических и экономических воззрений Прудона мы будем часто встречаться с противоречиями и непоследовательностью. Этот недостаток его сочинений зависел до известной степени от самой прихотливой и оригинальной натуры Прудона.

Его философские воззрения тоже подвергались различным изменениям в связи с условиями его личной и общественной жизни. Одно время он сильно увлекался Гегелевой философией, с которой познакомился из разговоров с друзьями. Интересно, что, хотя сам Гегель был консерватором и противником насильственных переворотов, многие радикальные реформаторы 40-х годов были гегельянами и основывали на его учении свою резкую и сильную критику современного строя. В 1846 году, ко времени своего знакомства с Марксом, Прудон не выработал еще никакого плана общественной реформы, и гегелевский диалектический метод пришелся ему как нельзя более кстати. Впоследствии, когда он стал более примирительно относиться к существующему строю, он без всякого колебания отказался от своих прежних философских взглядов и сам стал подтрунивать над гегелевской диалектикой.

Из этого, однако, не следует, что его основные убеждения были шатки и непостоянны; его миросозерцание покоилось не на доводах рассудка, а на чувстве, на всем опыте его жизни, на тех наполовину бессознательных впечатлениях, которые он получал в детстве, в родной семье, на полях своего отца, на скамьях коллежа. Суровая борьба с нищетой, которую ему приходилось вести, закалила его характер и завершила его умственное развитие. Он мог противоречить себе в частностях и в вопросах, не имевших для него важного значения, но всегда стремился к одной и той же цели и всегда оставался горячим защитником интересов трудовой массы, из которой сам вышел.

Как все даровитые самоучки, Прудон был полон уверенности в своих силах. Ему казалось, что он открыл для общественных наук новый метод исследования, при помощи которого можно с математической точностью вывести законы социального строя, подобно тому, как Ньютон установил законы всемирного тяготения. Уже из этого одного видно, как мало понимал Прудон особенности социальных явлений со всей их бесконечной сложностью и изменчивостью, которыми они так резко отличаются от явлений физического мира. Сочинения Прудона не представляют собою систематических исследований современного общественного строя; в них рассеяно много верных и остроумных мыслей, довольно часто встречается удачная критика существующего, но все вместе является несколько бессвязным целым, в котором мало последовательности и логического порядка. Его аргументация отличается одним основным недостатком: он не знает, что требует доказательства, часто

принимает как само собой очевидное то, что еще должно быть доказано. Изложение Прудона неясно и темно. Читатель легко замечает, что сам автор еще не вполне овладел своей мыслью, что он ее скорее чувствует, чем понимает. Кто ищет в книге прежде всего знания, того сочинения Прудона не удовлетворят; такому читателю придется потратить немало труда, чтобы разобраться в причудливом фейерверке слов, остроумных замечаний и парадоксов, которые характеризуют писательскую манеру Прудона. Зато в литературном отношении многие его произведения не уступают лучшим образцам французской прозы; они написаны сильным, энергичным языком, возвышающимся иногда до самого могучего лиризма. Читатель невольно поддается очарованию, соглашается с автором, не столько убежденный его доводами, сколько увлеченный искренностью его негодования против всякого рода зла и несправедливости в человеческих отношениях.

Основанием всей научной и публицистической деятельности Прудона являются две этические идеи — идеи равенства и свободы. Нам нечего говорить о том, каким образом они получили для него такое громадное, преобладающее значение. Вся французская история XIX столетия объясняется борьбой народа во имя свободы и равенства со старым общественным строем, с остатками феодализма и абсолютной монархии. Для прогрессивных элементов французского общества новые идеалы сделались предметом почти религиозного культа. Прудон так же естественно усвоил свое мирозерцание, как ребенок усваивает свой родной язык, без мучительной работы мысли, без колебаний и сомнений. Он никогда не спрашивал себя, действительно ли свобода и равенство — высшие блага в жизни, к которым человечество должно стремиться; его задача заключалась только в том, чтобы найти лучший способ для осуществления этих идеалов, и с этой целью он подвергает критическому анализу основания экономической организации современного общества.

Во главе социальных институтов, образующих тот общественный строй, которым европейские нации так гордятся, стоит институт частной собственности. Все хорошее и дурное в наших учреждениях имеет самое тесное отношение к организации права собственности; поэтому критика социального строя должна быть прежде всего направлена на исследование этого института, существующего с незапамятных времен у всех культурных народов.

Приведем вкратце содержание первого мемуара Прудона о собственности. Он разбирает обычные обоснования этого права. Со времен Цицерона многие юристы следующим образом доказывают необходимость частной собственности. Для того, чтобы земледелец мог работать и добывать себе пищу, он должен занять известный участок земли. Первоначально земля, как и все прочие предметы, не принадлежала никому, и поэтому всякий мог захватывать себе столько земли, сколько ему было нужно для обработки. Но когда вся земля была поделена, положение вещей резко изменилось. Завладеть было нечем, потому что никто не имеет права пользоваться той вещью, которая уже принадлежит другому. Таким путем образовались имущие и неимущие классы, собственники и пролетарии.

Но владение, говорит Прудон, может давать человеку право лишь на то, что ему действительно необходимо для существования и с чем он лично может справиться. Поэтому нельзя оправдать захват одним лицом громадных земельных пространств.

Экономисты со времен Локка приводят обыкновенно другого рода доводы в защиту частной собственности. Они говорят, что собственность основывается на праве работника бесконтрольно распоряжаться продуктами своего труда. Человек обрабатывает землю, прилагает к ней свой труд и тем самым приобретает на нее право собственности. Но разве продуктом его труда является земля, а не хлеб, сено и другие земные плоды? Почему же право собственности простирается не только на продукты, но и на орудия производства? Почему труд, который раньше мог создавать собственность, теперь лишен этой волшебной силы? Почему фермер в настоящее время не приобретает собственности на землю, которую он десятки лет обрабатывает и улучшает?

Что же такое, в конце концов, частная собственность? Это — право получать доходы, не принося пользы обществу. Доходы эти имеют следующее происхождение: рабочий создает больше новых ценностей, чем получает их в виде заработной платы; излишек поступает в пользу капиталиста и составляет его ренту. Отсюда известный тезис Прудона: "La propriété c'est le vol [«Собственность — это воровство» (фр.)].

Но если собственность разрушает равенство, ведет к порабощению слабого сильным, к эксплуатации труда, то коммунизм привел бы к другому неравенству, еще более губительному. В таком обществе, о каком мечтают социалисты, слабые угнетали бы сильных, ленивые и неспособные жили бы за счет трудящихся и способных. Коммунизм есть система самого худшего рабства, так как общность владения требует организации труда, лишает членов общества свободы действия и превращает их всех в чиновников.

Итак, к чему следует стремиться, к какому общественному строю? Нужно стремиться к свободе и равенству...

Таково содержание первого мемуара Прудона о собственности. Эта небольшая книжка в 200 страниц, написанная за несколько месяцев молодым, подавленным нуждой человеком, сделала известным всему миру парадоксальное положение: «собственность есть кража». Все, что Прудон написал впоследствии, не получило такого широкого распространения, как эти несколько слов. Какое значение придавал им сам автор, можно видеть из того, что, по его мнению, эта короткая фраза была самым крупным событием в правление Луи Филиппа.

Собственность есть кража — это было впервые высказано задолго до Прудона известным жирондистом Бриссо. Резкая форма, смелое отождествление двух таких понятий, которые в обыденной жизни всеми признаются противоположными и взаимоисключающими, — заслуга всего этого принадлежит не Прудону, а его предшественнику. Между тем вся оригинальность открытия Прудона заключается исключительно в форме; по содержанию оно давно уже было сделано английскими социалистами — Томсоном, Греем и другими. Если перевести на обыкновенный язык парадоксы Прудона, то мы получим следующее положение: собственность дает человеку возможность присваивать себе продукты чужого труда. Та же мысль была впоследствии развита Родбертусом и Марксом и сделалась краеугольным камнем всей системы научного социализма нашего времени. Но Прудон удовольствовался красивой фразой и не думал делать из нее никаких дальнейших выводов. В этом сказалась его отличительная черта писателя и ученого: он любил красивые обороты мысли не столько ради их содержания, сколько ради их внешней красоты, и наслаждался

последней, как истинный художник.

Когда читаешь лирические излияния Прудона, его обращения к Божеству и небесам, его проклятия человечеству, невольно напрашивается сравнение знаменитого публициста с его земляком, великим поэтом и мастером слова — Виктором Гюго. Оба эти писателя питают пристрастие к парадоксам, к блестящим и неожиданным сравнениям, к антитезам, усиливающим в громадной степени эффект речи. Оба они являются типичными представителями французской мысли. Но Виктор Гюго был художником, и потому погоня за внешними эффектами мало ему вредила и придавала только излишнюю цветистость его стилю; Прудон же был ученым и хотел быть исследователем в самой трудной области человеческого знания, в области социальных отношений. Любовь к парадоксам часто направляла его по ложному пути и мешала ему всесторонне исследовать явления с беспристрастием истинного жреца науки.

Если сравнивать Прудона с Виктором Гюго, то нужно отметить одну характерную черту, делающую их различными по натуре. Прудон был совершенно лишен фантазии, той волшебной творческой силы, которая может уносить человека далеко за пределы действительности и открывать перед ним новые неожиданные горизонты. По описаниям, французский крестьянин средней полосы представляется нам человеком, что называется, «себе на уме», трезвым и положительным, совсем не склонным к мечтательности и идеализму. Из такой среды вышел Прудон и, несмотря на изменившиеся условия его жизни, всегда оставался типичным крестьянином, как в своих частных отношениях, у семейного очага, так и в своей общественной деятельности. Он не был способен к самостоятельному творчеству в социальной области, и этим до известной степени объясняется его антипатия ко всякого рода социалистическим утопиям. Как публицист, Прудон умел объемно и ярко представить все то смешное и неосуществимое, что характеризовало мечтанья Фурье, Кабе и других реформаторов того времени. Он считал насилием над человеческой природой стремление этих реформаторов навязать человечеству новый социальный порядок, в котором все отдельные факторы искусственно соединены в одну громадную машину. Но ему самому не хватало поэтической способности и воображения Фурье, увлекавшего своими фантастическими картинами таких людей, как Консидеран, Лоренц Штейн, Джон Стюарт Милль и другие.

Мемуары Прудона о собственности представляют из себя блестящие публицистические опыты, способные разбудить дремлющую мысль и подтолкнуть ее к самостоятельной работе, но они не имеют большого научного значения. Вместо того, чтобы тщательно изучить развитие частной собственности во времени и пространстве, исследовать все разнообразные формы, которые этот социальный институт принимал у различных народов, и выяснить, наконец, характер собственности по действующему законодательству, он довольствуется опровержением доводов, приводимых в курсах гражданского права и политической экономии в защиту частной собственности. Доказавши неосновательность этой защиты, он готов торжествовать победу над собственностью и считает свою задачу законченной, между тем как в действительности он к ней и не приступал. Подобные работы относятся скорее к области права в его догматической части, чем к политической экономии, изучающей законы народного хозяйства, как они проявляются в действительности.

Мы говорили, что стремление к свободе и равенству лежало в основании всей деятельности Прудона. Но всегда ли эти идеалы находятся во взаимной гармонии; всегда ли они согласуются друг с другом? Не существует ли между ними коренного, непримиримого антагонизма, который заставляет нас жертвовать одним идеалом ради торжества другого? Во имя равенства он громил собственность и желал ее уничтожить — если бы знал, чем ее заменить; во имя свободы он вел горячую борьбу с социалистами и готов был предпочесть современный строй со всеми его несправедливостями перспективе коммунистического государства, где все граждане — рабы одного великого целого. Ни действительность, ни социальные утопии его не удовлетворяли. Уже в первом своем экономическом сочинении он бросил перчатку обеим партиям и не покидал занятого им положения до конца своей жизни. Вся его последующая литературная деятельность представляет из себя безуспешную попытку примирить идеалы свободы и равенства; но врожденный недостаток фантазии помешал ему создать свою собственную систему и положить основание новому направлению в экономической науке.

В своем философском сочинении «О создании порядка в человеческом обществе» Прудон стремится доказать необходимость равенства как основного принципа человеческого общежития. Все явления природы находятся во взаимодействии друг с другом и могут быть рассматриваемы как члены одного ряда. Задача науки, по мнению Прудона, заключается в том, чтобы устанавливать серии, группы, к которым относятся исследуемые явления. Каждый отдельный член серии так же необходим в своем роде, как и всякий другой. Для образования белого цвета необходимо смешение всех цветов спектра. В животном организме каждый отдельный орган составляет необходимую часть целого и нельзя сказать, чтобы животное более нуждалось в одном органе, чем в другом, например в пищеварительной системе более, чем в нервной или мускульной. Точно так же в человеческом обществе все отдельные профессии равно необходимы для общего преуспевания; люди различных специальностей различаются не по размерам своих природных способностей, а только по направлению последних, по их внешней форме. В каждой, самой скромной социальной функции отражается великое целое, и потому равенство всех членов общества составляет естественный постулат всякого правильно организованного общежития.

Задача политической экономии заключается в построении серии экономических категорий. Прудон сделал попытку построить эту серию в «Экономических противоречиях». К этому времени автор их познакомился с философией Гегеля, до многих положений которого он самостоятельно додумался раньше. Под влиянием системы Гегеля Прудон пришел к убеждению, что члены серии с роковой необходимостью вытекают одни из других, что каждый из них заключает в себе внутреннее противоречие, которое примиряется следующим членом серии. Истинная социальная наука состоит не в исследовании того, что есть и что будет, а в изучении самого процесса развития. Экономисты довольствуются настоящим, социалисты мечтают о будущем, но и те и другие не в состоянии увидеть то звено, которое органически связывает будущее с настоящим. Чтобы понять настоящее, нужно исследовать естественные противоречия, лежащие в основе всех экономических категорий.

Понятие ценности есть краеугольный камень всего здания экономической науки. Со времени Адама Смита экономисты различали два рода ценности — ценность потребительную и меновую. В каком отношении друг к другу находятся эти две различные формы ценности? Увеличение предложения товаров увеличивает общую сумму их полезности, но понижает их рыночную цену; уменьшение предложения повышает цену, хотя сумма их полезности становится меньше. Следовательно, между меновой и потребительной ценностью существует внутреннее противоречие. Чем меньше имеется в природе нужных для нас предметов, тем они дороже. Поэтому скудный урожай часто более выгоден для земледельца, чем урожай хороший; богатство производителя оказывается равносильным бедности потребителей. А так как ценность есть основание всей экономической системы, то можно сказать, что весь современный хозяйственный строй страдает коренным, неизбежным противоречием.

Каким же образом примиряется в действительной жизни противоречие между потребительной и меновой ценностью? Это примирение совершается посредством соответствия цены товаров с трудом, затраченным на их производство. Но при современных хозяйственных условиях цены подпадают влиянию спроса и предложения и могут значительно уклоняться от такого соответствия. От колебания цен страдают производители; одни из них разоряются, другие обогащаются за счет остальных. Только тогда производители будут вознаграждаться по заслугам, когда цена товаров будет строго соответствовать их трудовой стоимости. Но синтез экономических противоречий дается нелегко, и общество должно много вынести и перестрадать для того, чтобы достигнуть экономической справедливости.

Экономическая эволюция начинается с разделения труда. Разделение труда дает человечеству возможность осуществить идею равенства, так как только при дифференцировании профессий каждый может беспрепятственно отдаться своим симпатиям и заниматься тем, к чему он наиболее способен. Специализация труда увеличивает в громадной степени его производительность и открывает человечеству широкую дорогу к накоплению богатства и знания. Но, с другой стороны, разделение труда порабощает рабочего, делает его слепым орудием в руках капиталиста, увеличивает нищету и невежество низших классов народа и представляет все блага цивилизации небольшой кучке избранных. Новое противоречие, которое разрешается вторым членом экономической серии — машинами.

Бессознательное развитие общества во всех отношениях подобно сознательной деятельности нашего ума. Подобно тому, как мы выставляем одну за другой различные гипотезы для того, чтобы решить трудную задачу, точно так же мировая мысль последовательно воспроизводит различные социальные институты, которые более или менее полно разрешают противоречия общественного строя.

Изобретением машин промышленный гений человека протестует против раздробления и специализации труда. Действительно, что такое машина? Это соединение в одном целом тех инструментов, которыми раньше работало несколько рабочих. В этом смысле введение машин по своим результатам прямо противоположно действиям разделения труда. Машина должна уменьшить человеческий труд, понизить цены на продукты и делать их более

доступными низшим классам населения, давать толчок к новым техническим изобретениям и доставлять человеку торжество над грубыми силами природы. Поэтому машина есть символ свободы и человеческого гения.

Но тем самым, что машина сокращает труд, она уменьшает спрос на рабочие руки и выбрасывает рабочих без куска хлеба из фабрики на мостовую. Введение машинного производства понижает заработную плату, вызывает промышленные кризисы, избавляет капиталиста от всякой зависимости от рабочего и делает последнего одушевленным придатком машины. Положение рабочего становится еще тяжелее, чем оно было в предшествующую эпоху, при господстве разделения труда.

Свободная конкуренция представляет собою третью стадию промышленного развития. Сотрудничество производителей выгодно для всего населения, которое, благодаря ему, получает все нужные товары дешевле и лучшего качества. Свобода так же необходима для деятельности человека, как воздух для его дыхания; только свободный человек может достигнуть великих результатов и в материальной, и в духовной области. Но, несмотря на все благоприятные последствия промышленной свободы, она так же мало, как и все раньше перечисленные социальные факторы, может удовлетворить справедливые требования рабочего класса и приводит к монополии, к порабощению слабого сильным. Монополия есть естественный и необходимый результат свободы, награда за победу в промышленной борьбе, лучший стимул человеческой энергии, и тем не менее монополия разрушает равенство, а потому враждебна всякому прогрессу; она развивает самые дурные инстинкты в человеке и ведет к нищете и рабству.

Подобным образом Прудон разбирает последовательно все экономические категории, налоги, торговый баланс, кредит и, наконец, собственность и коммунизм. Во всем он находит противоречия, все кажется ему неудовлетворительным и заслуживающим в одинаковой мере порицания и похвалы. Последнюю главу он посвящает критике и опровержению учения Мальтуса о неизбежности нищеты как естественного последствия тенденции человечества размножаться скорее, чем растут его средства пропитания. Мальтус утверждает, что наша пища, одежда и прочие необходимые для нас предметы могут увеличиваться только в арифметической прогрессии, между тем как при отсутствии препятствий размножение человечества идет в прогрессии геометрической. Прудон обращается с цифрами так же произвольно, как и Мальтус, и полагает, что результаты человеческого труда равны квадрату числа работников. Так, например, четыре работника в 16 раз больше произведут, чем один, потому что соединение рабочих позволяет применить к производству всевозможные усовершенствования, ввести разделение труда, машины и так далее. Следовательно, производительные силы человечества растут не медленнее, а быстрее его самого.

Но каким же образом примирить указанные экономические противоречия, воспользоваться всем, что есть хорошего в современных учреждениях и избежать тех несчастий, которые они влекут за собой? На этот вопрос Прудон не дает ответа в своей книге, несмотря на то, что эпиграфом к ней он выставил гордое изречение «*Destruom ed aedificato*» («Разрушу и воздвигну»), и читатель остается в полном недоумении, в чем же Прудон видит решение социального вопроса.

«Экономические противоречия» — самое ценное в научном отношении сочинение Прудона. Несмотря на то, что он совершенно произвольно распределяет свои экономические эпохи, которые не соответствуют исторической последовательности, не подчинены какому-либо логическому порядку и с таким же успехом могли бы быть размещены от конца к началу, его книга содержит в себе такую удачную критику капиталистического строя, что большинство последующих писателей, относившихся враждебно к капитализму, пользовались его аргументами и развивали его мысли. Влияние «Экономических противоречий» Прудона заметно в сочинениях Родбертуса и Маркса, несмотря на то, что последний, вскоре после выхода в свет этой книги, написал на нее очень резкую и не совсем справедливую критику в отдельной брошюре, озаглавленной «Нищета философии» — парафраз заглавия Прудона «Философия нищеты». Он упрекал автора «Философии нищеты» в том, что тот не понял и не сумел воспользоваться диалектическим методом Гегеля. Этот упрек в известной степени справедлив. Насколько мало Прудон понимал и ценил философию Гегеля, можно видеть уже из одного того, что впоследствии он так легко от нее отказался. Тем не менее отсутствие строго выдержанного метода в «Экономических противоречиях» не лишает достоинства отдельные меткие и оригинальные мысли, которые в изобилии рассеяны в этом сочинении.

Версия #4

Зверобой создал 15 марта 2025 10:21:36

Зверобой обновил 15 марта 2025 10:24:05